

С. С. Жданов^{1,2}*

Пространственные образы Западной Украины в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки

¹ Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск,
Российская Федерация

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск,
Российская Федерация

*e-mail: fstud2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные образы Западной Украины, преимущественно Галиции, которые представлены в travelogue Ф.Н. Глинки «Письма русского офицера». «Украинские» фрагменты данного текста проанализированы с точки зрения семиотико-имагологического подхода. Лиминальность топоса Украины проявляет себя в гетерогенности культурного пространства, в котором отмечены русский, австрийский и польский элементы. Последний выражен наиболее ярко и фиксирует восприятие данной территории русским путешественником в исторический момент столкновения европейских империй (события раздела Польши и наполеоновских войн), в результате чего лиминальная Галиция входит в состав Австрийской империи. Историческая ретроспектива позволила выявить три темпоральных слоя в репрезентации галицийского пространства: условно русский (период Галицко-Волынского княжества), польский (до раздела Польши) и австрийский (современный). С точки зрения польскости в имагинально-географической Галиции Глинки установлена особая значимость локуса замка. Кроме того, репрезентация украинских локусов проанализирована через призму оппозиции «упорядоченность – энтропийность».

Ключевые слова: Украина, Галиция, Польша, Австрий, пространство, лиминальность, имагология, travelogue Ф.Н. Глинки, сентиментализм, русская литература

S. S. Zhdanov^{1}*

Spatial Images of Western Ukraine in “Letters of a Russian officer” by F. N. Glinka

¹Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

*e-mail: fstud2008@yandex.ru

Abstract. The paper deals with spatial images of Western Ukraine, mainly Galicia, which are presented in F.N. Glinka's travelogue “Letters of a Russian Officer”. The ‘Ukrainian’ fragments of the text are analyzed from the semiotic-imagological point of view. The liminality of the Ukraine topos reveals itself in the heterogeneity of its cultural space, in which Russian, Austrian and Polish elements are marked. The latter is expressed most vividly and captures the perception of this territory by the Russian traveler at the historical moment of the clash of European empires (the events of the partition of Poland and the Napoleonic Wars), as a result of which liminal Galicia becomes a part of the Austrian Empire. Historical retrospective has revealed three temporal layers in the representation of the Galician space: conditionally Russian (the period of the Galician-Volynia Principality), Polish (before the partition of Poland) and Austrian (modern). From the point of view of Polishness, the special

significance of the castle locus is established in Glinka's imaginal-geographical Galicia by. In addition, the representation of Ukrainian loci is analyzed in terms of the opposition 'orderliness – entropy'.

Keywords: Ukraine, Galicia, Poland, Austria, space, imagology, liminality, travelogue by F.N. Glinka, sentimentalism, Russian literature

Введение

В отличие от малороссийской образности образы Западной Украины, представленные в литературе, находятся на сегодняшний день на периферии интереса русскоязычного литературоведения, хотя в данной области имеется ряд исключений, например, [1; 2], что позволяет говорить не просто об отдельных лакунах, но о малоисследованности данной проблематики в целом.

В связи с этим интерес представляет травелог начала XIX века «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки. Необходимо заметить, что данный текст, разумеется, привлекал внимание отечественной гуманитаристики, в том числе в исследованиях, посвященных репрезентациям различных пространств и, соответственно, имеющих прямое или косвенное отношение к имагологии как научной дисциплине, которая занимается образами Своего и Чужого в культурных текстах. Так, среди произведений иных авторов «Письма...» Глинки рассматривались в связи с германской образностью в работах С.В. Оболенской [3] и М.В. Батшева [4]. Образы Парижа в том числе в интересующем нас тексте анализировались в компаративистском исследовании Н.А. Рудиковой [5]. Представленное в творчестве Глинки пространство России изучалось в статьях Н.А. Ермаковой [6] и Н.Г. Ястребовой [7]. Кроме того, имеются работы по антропным образам [8; 9] и межкультурному взаимодействию [10; 11], привлекающие в качестве доказательного материала прозу русского писателя. Отдельно следует упомянуть исследования Е.Р. Пономарева, которые как встраивают текст Глинки наряду с произведениями иных авторов в традицию отечественного имперского травелога [12], так и фокусируются на специфике «Писем...» [13; 14]. Но и в последних работах тема Галиции затронута вскользь, а основное внимание уделено вопросу взаимоотношений России и Западной Европы и проблематике в русле ориентальных и имперских штудий.

На основании вышесказанного следует сделать вывод о новизне нашего исследования, целью которого является семиотико-имагологический анализ пространственной образности Западной Украины в тексте «Писем...».

Методы и материалы

В статье использованы имагологический подход к проблематике пространства, а также сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный и семиотический методы. Материалом исследования служит травелог Ф.Н. Глинки «Письмах русского офицера», опубликованный в 1815 году.

Результаты и обсуждение

Прежде чем перейти непосредственно к анализу представленных в тексте Глинки пространственных образов Западной Украины, кратко охарактеризуем историко-политический контекст, влиявший на описание пространства автором и состоявший, помимо наполеоновских войн, в последствиях нескольких разделов Польши, в результате чего часть земель, маркированных украинскостью, оказалась в составе Российской империи, а другая часть, условный украинский крайний запад (Галиция прежде всего), отошла к Австрии. Это, в свою очередь, создало зону культурного и геополитического напряжения, в которую оказались втянуты Польша, Австрия и Россия. Так, Александр I, несмотря на благоволение к польскому князю Чарторыйскому, обосновывал невозможность «восстановить польское государство в виде королевства под властью брата императора – вел. кн. Михаила Павловича» [11, с. 125] в том числе тем, что «Подолія и Воłyнь считают себя до сих пор областями русскими и что никакая логика в мире не убедит Россию, чтобы они могли быть под владычеством иного государя, кроме того, который царствует в ней» [15, с. 141]. При этом следует учесть, что с русско-имперской точки зрения процесс собирания русских земель, в рамках которого Воłyнь и Галиция мыслились как Западная Русь, не был завершен, что подчеркивается А.Б. Каменским: «Екатерина, очевидно, прониклась сознанием своей миссии собирательницы русских земель и единственно, о чем сожалела, так это о том, что по первому разделу Галиция досталась Австрии», которая, впрочем, также обосновывала свое право на Галицию «исторической аргументацией» [16, с. 251].

Это отмеченное лиминальностью пространство Украины, которое, с одной стороны, еще хранит свежее воспоминание о Польше, а с другой – де-юре уже маркировано австрийскостью и русскостью, и описывает Глинка, причем «галицийский» фрагмент, включенный в 1-ую часть «Писем...» гораздо значительней по объему условно «воłyнского» из 6-ой части. Помимо них, в 3-ей части текста Глинки присутствует специфическая репрезентация киевского пространства, проникнутая мифопоэтикой, где апокалиптический образ горящего смертного Киева (и вообще Украины: «Не один Киев; сгорает Бердичев и Житомир, горит Воłyнь и Малороссия» [17, с. 178]) противопоставлен образу возрождающегося Киева-Феникса: «Киев содействием великодушного Монарха в новом блеске возродится из пепла» [17, с. 186] (*здесь и далее орфография и пунктуация цитируемого текста приближены к современным – авт.*). Не забудем другой апокалиптический элемент в контексте – война с Наполеоном, на пороге которой стоит империя во время написания Глинкой «Писем из Киева». Мифопоэтической стихийностью проникнута и оппозиция «огненная река (из горящих зданий) – Днепр»: «пламя в виде огненной реки, почти равнявшейся в широте с самим Днепром, разливалось по всему берегу» [17, с. 185].

В совершенно иной стилистике (умеренной и относительно мирной, несмотря на то, что автор «Писем...» военный) выдержано описание Галиции. Здесь, во-первых, следует выделить пространство исторической памяти, пред-

ставленное локусами замков. Как указывает Е.Р. Пономарев, «замковая тема в Галиции и Польше» «особенно выделяется» [14, с. 23] и служит маркером, различающим русскость и польскость. Исследователь видит в этом у Глинки отличие истинной рыцарственности, свойственной русским («рыцарство в душе», не нуждающееся в замках [14, с. 23]), от формальной рыцарственности европейцев: «Почти по всей Польше, а равно и здесь в Галиции, отменно много древних замков; большая часть из них разрушена временем. У нас в России не видно подобных укреплений оттого, что Русские ограждали Отечество свое любовью к нему и, подобно Спартамцам, грудь свою поставляли твердейшим оплотом противу врагов» [18, с. 9]. Справедливости ради, заметим, что русские в данном фрагменте уподобляются не средневековым рыцарям, а еще более архаичному образу спартанцев, и речь идет, как представляется, скорее о патриотичности и единстве русских воинов в защите своей общей земли: спартанцы сражались за Спарту, а каждый рыцарь-феодал – прежде всего за личные земли и честь. Далее, локус замка опять-таки рассматривается Глинкой как локальный центр, стягивающий на себя, причем в трактовке автора неоправданно, все ресурсы территории: «Прежние жители Польши истощали чрезвычайные усилия и невероятные издержки для построения огромных замков на неприступных местах; в них укрывались они от нашествия Турок и набегов Запорожцев и прочих, живших грабежом, народов» [14, с. 23]. Попутно укажем на актуализированный в данном фрагменте, связанном с прошлым Польши, негативный образ запорожцев, уравненных с турками. Очевидно, здесь проявляется отголосок трений между казаками и российской империей. Сравните с амбивалентным образом анархического «вредоносного гнезда Запорожской Сечи» [19, с. 163] в тексте П.И. Сумарокова. Наконец, подчеркнем польский статус галицийских замков, т.е. господами над местным населением, нещадно их эксплуатирующими, как видно из предыдущей цитаты Глинки, являются польские феодалы.

То, что большинство замков Галиции, описаны как разрушенные, есть маркер упадка польской шляхты в тексте Глинки. Помимо общих рассуждений о замках, он дает довольно детальное описание конкретного замкового локуса в Подгорцах. Его основателем назван «один из владетельных князей, по имени Концепольский» [18, с. 11], а «последним владетелем» «Граф Р...» (очевидно, Ржевуский), бывший «Гетманом всея Польши» [18, с. 12]. Этот локус маркирован масштабностью («большое длинное строение» «с четырьмя высокими башнями», «огромные покои» [18, с. 11], «огромные чертоги» [18, с. 18]), древностью («древняя архитектура», основан «за несколько пред сим столетий»), чрезвычайным богатством/роскошью и визуальной привлекательностью («великолепие и богатство уборов»; «аспидные» и мраморные плиты пола; «целые ряды столпов также все из мрамора» [18, с. 11]; «два столика из... мраморных плит» стоимостью «более тысячи червонных»; «стены обвешаны живописью древних и новых мастеров», «украшены прекрасною лепною работою»; «великолепная кровать»; «сокровища замка» [18, с. 12]; «роскошный владетель» [18, с. 18]). Привлекательностью отмечен и демиприродный сублокус призамкового сада: «Снаружи, на возвышенных земляных насыпях разведены сады и насажены прекрасные аллеи»

[18, с. 17]. Военность замка выражена в следующих образах: «бастионы по новому Вобанову образцу» [18, с. 11], портрет графа Р., написанного «в одеянии рыцарском», «одною рукою» опирающимся «на щит», «а другою» указывающим «на кучи знамен и оружия, поверженные к стопам его, и на собравшееся вдали воинство» [18, с. 13], «большая слуховая труба, в которую старинные владетели замка с верха подзорной башни повелевали собравшимся в окрестности войском» [18, с. 16–17], «много старинного оружия: древние латы и прочая заржавленная броня висят на голых стенах» [18, с. 17].

В то же время замковый локус маркирован рядом негативных мотивов: темноты/мрачности («темные переходы», «мрачные своды» [18, с. 17]) и обветшалости/упадка («разрушившиеся столпы» [18, с. 17]), означающие проникновение энтропии во внутренний спатиум польского Дома-замка. Это особо ярко выражено в противопоставлении онирического пространства славного прошлого, отмеченного крайне условной, фактически мифопоэтической антропностью, не связанной напрямую с польскостью за исключением атрибута «пернатого шлема» («роскошный владетель», пировавший «с гостями избранными, за пышным столом»; «седые Барды, при светлом пламени многолетнего дуба», воспевавшие «его подвиги воинские»; «девы юные, белогрудые, прекрасные, при сладких мусикийских звуках» плясавшие «с легкостью весенних ветерков»; «бодрый юноша» «в броне звонкой», собиравший «власы чернокудрые под свой светлый и пернатый шлем», и с «копьем булатным» в руке трепетавший «от нетерпения поражать врагов отечества» [18, с. 18]) энтропийному пространству настоящего, маркированного образами воздушной стихии и сорных трав: «А теперь грозное время все сии здания, столпы и мраморы обратило в разрушение. Крапива и быльник растут на развалинах. Бурный осенний ветер свистит сквозь щели и воет в подземельях» [18, с. 18–19].

С пространством исторической памяти связан и локус Львова, который в тексте Глинки характеризуется культурной гетерогенностью, выраженной через топонимику: «Немцы называют Лембергом, Французы Леополем, а Русские Львовым» [18, с. 186]. Несмотря на австрийскую принадлежность города в настоящем, в травелогге актуализирована историческая русскость данного пространства, к которой примешивается условно западный, венгерско-польский, элемент: «Город Львов построен в 1245 году сыном самодержавного Князя России Даниила Романовича, Львом Даниловичем. Сей последний женился на Белле, дочери Венгерского Короля, и новопостроенный город назвал своим именем. Львов принадлежал потом многим Российским Князьям, у которых отбит был Поляками» [18, с. 186–187]. Закономерным образом русскость Львова переносится автором на Галицию в целом: «Не только Львов, но большая часть Галиции принадлежала России. Обширна была держава Русская!» [18, с. 187]. С львовским пространством оказывается связана и историческая казацко-малороссийская персонификация: «в 1654 году знаменитый Хмельницкий осадил и взял сей город Козацкими войсками» [18, с. 187].

Вообще, отмеченная образом Хмельницкого малороссийскость в тексте Глинки маркирована положительно, прежде всего, через мотивы мужества и сво-

долюбия («в 1654 году с... мужеством Малороссияне под предводительством знаменитого Хмельницкого отбили у Поляков права и свободу свою» [18, с. 113–114] и, соответственно, в контексте произведения противопоставлена маркированной мотивом нелегитимного насилия запорожской сечевого казацкости (в отличие от легитимизированной, по Глинке, борьбы за свободу). В «Письмах...» малороссийское в образе Хмельницкого и великороссийское начала оказываются тесно связаны в экспансии русскости на Запад, или – в другой интерпретации – в собирании русских земель: «В 1658 году, когда знаменитый Хмельницкий вырвал уже Малороссию из рук Польских, войска Козацкие вместе с воеводами царя Алексея Михайловича брали Вильну и победоносное оружие свое подносили даже к берегам Вислы» [20, с. 104].

Если в настоящем амбивалентный локус Подгорецкого замка отмечен энтропийностью, то образ современного нарратору Львова, наоборот, характеризуется положительной упорядоченностью, привлекательностью, богатством, столичностью (непровинциальностью) («Львов достоин именоваться столицей Галиции; это прекрасный и богатый город») и высокой культурой, выраженной через сублокусы «театра», «хорошего кабинета Анатомического» и «Академии» с библиотекой, содержащей «более ста тысяч книг и между прочими древнюю рукопись Славянского Евангелия» [18, с. 186]. Среди подобных, отмеченных упорядоченностью урбанистических галицийских локусов, Глинкой также упомянуты «великолепный город Краков, первый в Галиции» [18, с. 51] и «вольный город Броды», «постепенно» приходящий «в лучшее состояние»: «Торговля процветает под сению вольных, прав. Дома большие каменные; улицы мощные, обведенные каналами, и почти на каждой из них по два или по три колодезя чистой студеной воды» [18, с. 6–7]. Лиминально-медиационные Броды маркированы и немецкостью: «отсюда-то вывозят к нам различные изделия из многих областей Германии» [18, с. 7].

Упорядоченностью и привлекательностью наделены в тексте Глинки и демиприродные идиллические локусы Украины. Это, например, сад Княгини М. в Крестовицах, описанный в сентименталистском духе с его идеалами облагороженной природы и блаженной чувствительной созерцательности: «Теперь смотрю я на зеленые долины, испещренные цветами; внимаю томному журчанию ручейков и гляжу на мелкие серебряные волны их, которые мелькают и бегут по склонению своему, и, встречая на пути искусственные пороги из разноцветных камушков, стремятся вниз, дробятся, сыплются бисером и жемчугом, и, превращаясь в белую кипящую пену, тихо льются по зеленому, ковру цветущей муравы. Взоры мои блуждают по прелестным, живописным окрестностям. <...> Длинные, прямые аллеи из высоких лип и елей во всей природной красоте... способны питать сладостную задумчивость <...> Вокруг себя вижу я много простых, но прекрасных беседок, и один прелестный увеселительный домик; далее показывается огромная оранжерея с плодами» [18, с. 20–21]. Пространство аллей маркировано также мотивами уединения и сакральности: «они столь уединенны, что в прежние времена мог ли бы служить убежищем для высоких размышлений священных Друидам» [18, с. 21]. Образ же хозяйки сада имеет черты локального

демиурга и наделяет локус мотивом женскости: «легко можно догадаться, что все сие есть произведение или выдумка существа чувствительного, милого, следовательно, женщины» [18, с. 21–22]; «она много украсила дикую природу в Крестовицах: место, на котором разведен сад, было совсем болотное, и теперь везде струятся ручьи, и вода стекает в светлые пруды, наполненные различными рыбами» [18, с. 23–24].

Женскостью отмечен и идиллический усадебный локус Ратно на Волыни, «местечко», принадлежащее «Графине Сосновской» [20, с. 45]. Если в репрезентации Подгорецкого замка древность контаминируется с обветшалостью, упадком, то в описании Ратно древность означает идиллически-спокойную ахронность, т.е. усадьба существует не в линейном, а в циклическом времени: «Я вижу здесь столетние строения, столетние деревья и почти столетних людей, с современными молодости их обычаями. Здесь все точно так, как было пред сим за сто лет: то же прохождение времени, те же уборы, обряды; а что всего важнее – те же добродетели» [20, с. 45]; графиня «живет... в старинном доме, совершенно по-старинному» [20, с. 46]. Соответственно, это закрытый внутренний локус прошлого («сколок протекшего столетия»), сопротивляющийся («Вероятно, что сей старинный, бесшумный и беззаботный образ жизни причиною и долголетия» хозяйки [20, с. 46]) энтропийному внешнему пространству современности, которое не только разрушает топос Подгорецкого замка, но негативно воздействует на европейское пространство в целом («роскошь и нововведения наводняют всю Польшу и Европу» [20, с. 46]). Маркером ахронной идиллии выступает и сочетание мотивов старого и молодого, т.е. слияние, а не противопоставление возрастных границ: «Стол Графини украшается всегда старыми винами, а домашнее общество – молодыми девушками» [20, с. 46]. Наконец, локус Ратно отмечено мотивами социального мира, взаимной любви – фактически это образ уютного Дома-Семьи: «Почтеннейшая хозяйка любима всеми у нее в доме и близ оного живущими. Самые животные привыкли к ее голосу и ласкам. Бедные получают из щедрой руки ее помощь; а разные птицы – пищу» [20, с. 46].

Еще один идиллический украинский анклав представляет собой описание сада Софиевки в Умани (Центральная Украина). Окружающее его внешнее энтропийное пространство маркировано мотивами пустоты, сорных трав, безлесья, безводности, дикости, скуки/визуальной непривлекательности: «поросшие бурьяном» «неизмеримые степи» [18, с. 213], «обширные, необозримые степи, на которых невидно ни одной ветви древесной не слышно ни одного ручья» [18, с. 214–215], «пустыни» [18, с. 215], «дикие бугры» [18, с. 213]. «пустынные степи» [18, с. 220], «уныние степей» [18, с. 214]. Демиприродный же локус сада, описанный в рамках сентименталистского нарратива, отмечен мотивами искусства, т.е. облагороженной природы («торжество искусства» [18, с. 213]), привлекательности («славный» [18, с. 213], «чудесный сад» [18, с. 214], «прелестная долина», «прелестный беспорядок» [18, с. 215], «очаровательное зрелище», «солнце», сияющее «в неизъяснимом великолепии», «прекрасные мраморные столбы» [18, с. 217], «прекрасно одетые гребцы» [18, с. 218]), водности, чистоты, света («Дельфины высоко метали потоки чистой здоровой воды, которые, встречаясь со светом, превращались в блестящие радуги и с шу-

мом и пеною ниспадая в мраморные колодцы, доставляли воду всем городским жителям» [18, с. 214]; «светлый пруд» [18, с. 218]), а также разнообразной орнито- и флорообразностью («повсюду шумят ручьи, зеленеют деревья и цветет мурава» [18, с. 214]; «Различные птицы, наскучив пустынным безмолвием, из отдаленнейших мест, слетаются стадами в сад, где утомляют эхо непрерывными песнями»; «отлогости гор покрыты частыми зелеными кустарниками» [18, с. 215], «громады диких скал, поросших бурьяном» [18, с. 215–216], «зеленые полянки, испещренные благоуханными цветами», «старые ели и сосны» [18, с. 216]; «на иных [островах – авт.] ...стройные Украинские тополи с серебристыми листьями, на других розы и прочие цветущие кустарники» [18, с. 219–220]).

Здесь есть место проявлениям хтонического/темного и дикого начал («сумрак теней», «дикие скалы» [18, с. 215], «бурьян», «подземные воды» [18, с. 216]), но их влияние умерено и вписано в демиприродное пространство для создания необходимого настроения у чувствительных созерцателей: «виды печальные смешаны с приятными», «беспорядок», т.е. хаос, «прелестен» [18, с. 215]. Локус, соответственно, намеренно мифопоэтичен, будучи связан с эдемской (райский сад) и водно-античной («храм в честь Нептуна» [18, с. 217]) образностью и направлен на обман/самообман смотрящего, для которого новое и искусственно созданное (артефактное) кажутся «древним произведением природы» [18, с. 216], антропное переходит в природное: «проходя Английским садом мы не переставали дивиться сочетанию искусства с природою и разнообразию предметов, поражавших наши взоры» [18, с. 218]; «Великий художник, совершавший сии исполинские предприятия, за все труды свои... желал одной награды, чтобы зрители почитали собрание сих чудес творением самой природы, а не рук человеческих» [18, с. 222–223].

От сентименталистского пейзажного описания Софиевки нарратор переходит к ее рациональному и в то же время демиургическому бэкграунду, рассказывая об инженерной и хозяйственной сторонах преобразования пространства безжизненной степи в локус райского сада: «отсчитан был миллион злотых; из Голландии привезен по почте славнейший Гидравлик, и под надзиранием его несколько сот рук принялись за работу. Превосходный художник сначала привел воду (находившуюся за пять верст) трубами в ров <...> Для составления сего сада возили из отдаленных мест величайшие камни или каменные скалы по зимнему пути, каждый двадцатью и более парами волов, с помощью множества людей и машин» [18, с. 221–222]. Соответственно, образ райского сада также связан с образом его локального демиурга, «Графа П.» (Потоцкого), владевшего «большою частью Польской Украины»: «достоинство творца ясно ознаменовано в огромном его творении: перевезенные гранитные горы, пересаженные леса и шумящие воды гласят славу искусства и великих трудов. Граф любил рассматривать книги с изображениями садов и различными украшениями оных. При всяком разе, когда находил что ни есть прекрасное: храм, беседку или мраморное изваяние, тотчас подписывал под оным польски: do Sophiivku то есть, в Софиек сад» [18, с. 223]. С другой стороны, локус маркирован и женскостью, поскольку назван в честь жены графа Софии и представляет собой пространственное выражение любви к «обожаемой» супруге [18, с. 223], сделанное со свойственной крупной польской аристократии роскошью и размахом.

К пространству идиллического в тексте Глинке можно отнести и демиприродную репрезентацию села Михаловцы (недалеко от Брод), где природное (флора) и антропоное (строения) составляют единое целое: «Селение сие расположено между пригорками, на которых разведены сады, и желтые соломенные кровли хижин, осененные зелеными кущами дерев, представляют зрению прекрасную сельскую картину» [18, с. 223]. Помимо мотива привлекательности, мы встречаем здесь сходные с Софиевкой мотивы водности и света: «Чрез все селение протекает светлый, как кристалл, но мелкий ручеек... Он никогда не замерзает зимою и не пересыхает в летние жары; всегда одинаков и всегда доставляет равную пользу простодушным поселянам. Какой пример умеренности!» [18, с. 8]. К идиллической аркадской образности относится также мотив умеренности как выражение в том числе «умеренного счастья и близости к природе» [21, с. 75]. Заметим, что здесь антропоное и природное сливаются настолько, что последнее получает антропоморфную черту – добродетель умеренности.

Вообще, многие украинские земли, входившие в состав Польши до ее раздела, отмечены идиллическостью, привлекательностью и изобильностью: «обратим вправо к Югу: какая счастливая сторона! ... Полистая Волынь – Италия Польши. Она усеяна замками; украшена прелестными садами. Стада и табуны находят там тучную паству; а земледелец благодарную землю, возвращающую десятицею вверенное ей зерно. – Довольство видно там в хижинах, богатство блещет в домах; гостеприимство повсеместно. Буг, Горень и Днестр, вместе со множеством других речек, усыряя землю, доставляют большие пользы лугам и нивам и великие средства торговле. Далее, Подолия со своими живописными горами; а там обе Галиции, сопредельные моравам и горам Силезским» [20, с. 137]. Здесь мы видим весьма обобщенное изображение Украины, включая частичное уподобление ее Италии (воплощение типажного Юга в русской культуре) через волынский топос, ведь, как замечает М.И. Назаренко, «Украина объявляется воплощением южной роскоши и неги, в честь чего и зовется если не Италией России, то Аркадией» [22, с. 161]. Помимо этого, для нас важны два момента. Первый – фиксация значительной части украинского пространства как пост-польского на момент написания травелога, когда «древний дух Польский лежит связанный властями трех сопредельных держав» [20, с. 137–138]. Во-вторых, следует отметить весьма скупую на эпитеты репрезентацию Галиции: если Волынь, Подолия охарактеризованы как благодатные земли, то Галиция маркирована чисто географически-лиминально – по границам с соседями.

При этом, в отличие от локусов Львова, Подгорецкого замка, Михаловцев, основная рустикальная (деревенская) Галиция – наименее привлекательный образ украинского пространства в травелоге. Эта территория противопоставлена соседним инокультурным топосам. С одной стороны, возникает оппозиция «изобильная, привлекательная Венгрия – пустая, скучная Галиция»: «Сколько раз наслаждался я в Венгрии прелестными, живописными видами величественной природы! О страна благодатная! <...> Переступили шаг за границу, и очутились в царстве зимы, в скучной Галиции. Здесь вся природа кажется мертвою, оледенелою; поля покрыты глубоким снегом, деревья стоят обнаженными, быстрые реки окованы

льдом, и жители печальны в унылой сей стране» [18, с. 171]. Разумеется, эту антитезу можно понять климатически-сезонно, где зимняя, более холодная Галиция контрастирует, естественно, с более теплой Венгрией. Но описание Глинкой крестьянского галицийского дома свидетельствует не столько о климате, сколько о неуютности, неосвоенности, бедности данного пространства: «сiju я в хате у мужика в Старой Галиции: печь топится, трубы нет; густой, черный дым наполняет и коптит всю хату; вместе с нами лежат коровы. Взглянешь на хозяев – и ужаснешься; они все в лохмотьях и закоптели. На бледных лицах их изображается горесть; они живут в убожестве и нищете» [18, с. 178–179]. Еще острее контраст Галиции с Негалицией выражен в сопоставлении с немецким пространством – «благоденствие», «счастливая жизнь крестьян Немедии», с одной стороны, а с другой – «горестное существование» крестьян в Галиции [18, с. 180]. Этот контраст наглядно демонстрирует соположение в тексте Глинки описаний двух локусов. Локус имперской немецкой дороги («шоссе, или Käyserveg, в Немецкой земле», идущее «от самой границы Брод чрез всю Галицию, Силезию, Моравию и обе Австрии до Вены и Кракова») характеризуется упорядоченностью, антиэнтропийностью: «Дорога сия прекрасна <...> В самую дурную погоду такая дорога нимало не повреждается <...> Вся дорога разделена на множество расстояний, к которым приставлены Комиссары, весьма рачительно надсматривающие за починками» [18, с. 193–194]. Перед этим же автор описывает несчастное положение некой выгоревшей «большой деревни» под Львовом, жителям которой, хотя уже прошел год после пожара, никто не оказывает помощи и они вынуждены просить милостыню у дороги: «дневное их пропитание состоит единственно в том, что могут выпросить у проезжающих. ...вдруг увидели толпы полунагих малых ребят обоого полу. Они с криком и слезами... бежали вслед и просили хлеба. На бледных лицах их изображалось отчаяние. Несчастные дряхлые старцы, без рук или без ног, не в состоянии будучи двигаться, печальными взорами умоляли о сострадании» [18, с. 190].

Объяснение разницы этих пространств Глинка дает двоякое. Как русский (ненемецкий) сторонний наблюдатель он маркирует Галицию в качестве территории, подвергающейся значительной эксплуатации инокультурной элитой, в то числе австрийской: «Галиция есть вновь приобретенный край, и для того податей платит несравненно более всех Немецких областей» [18, с. 179], т.е. данный топос есть и новый, и ненемецкий, обладающий большей степенью чужести для Австрийской империи. При этом, помимо верховной власти Вены, существуют польские паны на земле, что видно из фрагмента, описывающего право галицийских крестьян судиться с господином, но «поляки посредством червонцев умеют всегда ослеплять златолюбивых присяжных и слагать вину на крестьян» [18, с. 185–186]. Заметим, что, если элиты маркированы этнически, то галицийские крестьяне – скорее социальная характеристика. Общественное расслоение и несправедливость в Галиции ярко демонстрирует вышеописанный фрагмент, где локус выгоревшей деревни противопоставлен элитным локусам замков: «богачи не смягчаются; великолепные замки их видны в окрестностях погоревшей деревни, и помощь не исходит из пышных чертогов» [18, с. 191]. Кроме того, феодалам принадлежат виноку-

ренные заводы («Помещики весь хлеб перегоняют на вино..., и в сем состоит их лучший доход» [18, с. 180]), что усугубляет положение крестьян и актуализирует в тексте маргинальный локус кабака: «в Галиции не все бедны, но все приобретаемое потовыми трудами остается в кабаках: в сих-то гнездилищах разврата и невежества пристращенные к горячему вину крестьяне... впивают в себя все пороки; деньги, скот, изделия, даже иногда нужнейшая одежда крестьян остается в кабаках, из которых исходят буйство и нищета» [18, с. 182]. Впрочем, локус винокуренного завода есть деталь не только польского, но и малороссийского ландшафта. Ср., например, с левшинским пассажем о Полтавской губернии, где «количество собираемого ежегодно хлеба, по множеству жителей и большому числу винокуренных заводов, оставляет незначительный избыток для вывоза в другие губернии» [23, с. 195–196].

В то же время как человек, воспитанный в духе европейского Просвещения, Глинка видит проблему крестьянского пространства Галиции в невежестве земледельцев, в их закрытости новым влияниям, самозамкнутости: «здесьние крестьяне ничем не торгуют, никуда не ездят» [18, с. 179]; «В Галиции нет ни ремесел, ни художеств; ничего, кроме нищеты, не найдешь в дурных и закоптелых хатах; предрассудки царствуют там» [18, с. 182]; «куда нам еще делать трубы <...> нам нечего мудрить, коли прежде нас того не делали? – Вот как силен предрассудок в старой Галиции! Здесь видно народ желает коптиться, а не просвещаться» [18, с. 184]. В этом плане Немедия выступает образцом упорядоченного пространства ургии в противовес Галиции, в которой «земля худо обработанная, едва в три раза возвращает посеянное» [18, с. 179–180] (сравните с вышеприведенной урожайностью Волыни): «в Немедии крестьянин, обработав тщательно часть нанятой у помещика земли и разведши виноградной сад, занимается ремеслами, чрез которые выручает деньги; хлебом довольствуется свое семейство, а вино из виноградных садов пускает в продажу, от чего получив немалый доход, уплачивает подати, строит прекрасную и прочную светлицу и чрез бережливость, преимущественно свойственную Немцам, всякой год преумножает свое достояние» [18, с. 181]. Соответственно, галицийскому локусу кабака как «гнездилища разврата и невежества» противопоставлен локус немецкой умеренности – «сельский трактир», «где пожилые мужчины пьют пиво и читают газеты, рассуждая с жаром о военных происшествиях; а молодые люди и девушки танцуют тихой, плавной Немецкой вальс» [18, с. 182]. Непросвещенностью оправдывается и закабаление галицийских крестьян поляками, т.е. немцы достаточно просвещены (так, просвещенных саксонских крестьян мы встречаем в тексте Ф.П. Лубяновского [24, с. 179]), чтобы быть свободными, в отличие от крестьян Галиции: «если бы сии... права даны были и крестьянам в Галиции, то они послужили бы не к пользе, но к пагубе их; ибо в Галиции крестьяне... еще не созрели..., чтобы наслаждаться независимостью» [18, с. 180–181]; «крестьянам в Галиции непременно еще нужно принадлежать помещикам, ибо малейшая, дарованная им свобода... превратится в необузданность» [18, с. 183].

Заключение

Пространство Украины в травелогe Глинки представлено прежде всего Галицией как точкой преломления интересов Польши, Австрийской и, в меньшей степени, Российской империй, что маркирует образ данной территории мотивом лиминальности. При этом, русскость отмечена, по сути, лишь в пространстве исторической памяти как воспоминание о Галицко-Волынском княжестве и «русском» Львове. Австрийскость также выражена весьма слабо в современном автору темпоральном слое повествования – в образе немецких элит, собирающих налоги, а также в образе имперского шоссе в качестве локуса высокой упорядоченности среди галицийской энтропийности. Польскость же в репрезентации Галиции представлена достаточно широко и прежде всего в образах правящей элиты данных земель. Данные образы зафиксированы и в прошлом, и настоящем временном слое топоса и тесно связаны с изображениями локусов замков как типичного элемента польско-галицийского ландшафта.

Описанию замковых локусов свойственна амбивалентность. С одной стороны, они маркированы позитивными мотивами визуальной привлекательности/великолепия, роскошности, масштабности, древности, военности (военной силы), являясь архитектурным воплощением польской власти над Галицией, с другой – негативными мотивами старости, упадка, что знаменует ослабление польской власти над пространством. Эту амбивалентность в наибольшей степени демонстрирует репрезентация Подгорецкого замка. Кроме того, локусы замков не просто вписаны в образ сельских окрестностей, но противопоставлены рустикальным локусам, фиксируя крайнюю социальную напряженность между польской элитой и галицийским крестьянством, миры которых закрыты и ограничены, по сути, друг для друга.

Кроме Галиции, значительная часть Украины в тексте «Писем...» также маркирована польскостью (Волинь и Подолия) или противостоянием с ней (образ отмеченной борьбой за свободу казацкости в варианте Хмельницкого, которой противопоставлена анархическая, маргинальная казацкость Запорожской сечи). В любом случае земли Польской Украины, за исключением Галиции, охарактеризованы идиллическостью, привлекательностью и изобильностью.

Что касается репрезентации Галиции в современном темпоральном слое, то она амбивалентна. С одной стороны, мы сталкиваемся с локусами, отмеченными высокой степенью упорядоченности. Это урбанистические образы лиминальных Брод и Львова, маркированного столичностью, богатством, привлекательностью, высокой культурой, а также идиллические демиприродные образы княжеского сада в Крестовицах (ему аналогичны изображения волынской графской усадьбы Ратно и уманского сада Софиевки) и деревни Михаловцы. С другой стороны, этим анклавам упорядоченности противопоставлена репрезентация другой рустикальной Галиции, характеризующейся чрезвычайной энтропийностью, выраженной в мотивах неосвоенности, бедности, закопченности, неуютности, непросвещенности, пьянства, страданий, несправедливости, несвободы и насилия. В этом плане образ крестьянской лиминальной Галиции образует оппозицию образам ее территориальных соседей – упорядоченных и свободных Венгрии и Немечии (германских земель).

Благодарности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волощук Е. В. Галиция как интертекст: конструкт пограничья в романе «Хвали день к вечеру» Джени Эрпенбек // Журнал фронтирных исследований. – 2021. – Т. 6. – № 2 (22). – С. 103–129. – DOI: 10.46539/jfs.v6i2.304
2. Куприянов П. Русины Венгрии и Галиции глазами русского путешественника начала XIX в. // Русин. – 2007. – № 3 (10). – С. 106–121.
3. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских: (XIX век) // М.: ИВИ РАН. – 2000. – 209 с.
4. Батшев М. В. История Германии в путевых записках русских путешественников конца XVIII – первой трети XIX в. // Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива: сб. ст. всероссийской научной конференции. Москва, 16–17 мая 2019 г. – М.: РГГУ, 2020. – С. 122–132.
5. Рудикова Н. А. Образы Парижа в русской и французской литературах конца XVIII – середины XIX вв.: диалог культур: автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Томск, 2011. – 23 с.
6. Ермакова Н. А. Русское пространство в травелоге «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинки // Русский травелог XVIII–XX веков: между литературой и документом: коллективная монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. – С. 148–173.
7. Ястребова Н. Г. Москва в творчестве Ф.Н. Глинки и в фольклоре // Русская речь. – 2012. – № 5. – С. 107–115.
8. Готовцева А. Г. Образ Наполеона в публицистике Ф.Н. Глинки («Письма русского офицера») // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2021. – № 10. – С. 10–30. – DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-10-30
9. Ложкова Т. А. Образ русского офицера в военной прозе Ф.Н. Глинки // Филологический класс. – 2012. – № 1 (27). – С. 11–17.
10. Могилевский Н. А. Русские в Европе в 1813–1814 гг.: взаимоотношения солдат с мирным населением // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2010. – № 2. – С. 36–43.
11. Соколов А. Р. Русские в Варшаве в 1813–1815 годах: от Герцогства Варшавского к Царству Польскому // Новый исторический вестник. – 2018. – № 2 (56). – С. 121–138.
12. Пономарев Е. Р. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 2. – С. 33–44.
13. Пономарев Е. Р. «Письма русского офицера» Федора Глинки как «путешествие на Запад» // Вопросы литературы. – 2011. – № 6. – С. 160–190.
14. Пономарев Е. Р. К вопросу о русских европейцах: «Письма русского офицера» Федора Глинки и национальное самосознание // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 4 (13). – С. 21–31.
15. Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: в 4 т. – Т. 3. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897. – 572 с.
16. Каменский А. Б. «Отторженная возвратих»: разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по Россиеведению. 2016. № 6. С. 220–261.
17. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. – Ч. 3. – М.: Типография С. Селивановского, 1815. 189 с.

18. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. – Ч. 1. – М.: Типография С. Селивановского, 1815. – 242 с.
19. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. – СПб.: Императорская типография, 1803. – Ч. I. – 276 с.
20. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. – Ч. 6. – М.: Типография С. Селивановского, 1815. – 216 с.
21. Тирген П. Образы Аркадии в русской литературе XVIII–XIX вв. // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 2(4). – С. 69–110. – DOI: 10.17223/24099554/4/4
22. Назаренко М. И. Сокращенный рай. Украина между Гоголем и Шевченко // Новый мир. – 2009. – №7. – С. 160–172.
23. Левшин А. Письма из Малороссии. – Харьков: Университетская типография, 1816. – 206 с.
24. Жданов С. С. Образ Германии в отечественных травелогах рубежа XVIII–XIX вв.: природное и человеческое пространства (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 49. – С. 168–187. – DOI: 10.17223/19986645/49/11

© С. С. Жданов, 2024